

Г. В. Плехановъ и наши революціи.

Въ одной газетѣ было замѣчено, что Плехановъ не былъ русскимъ Бебелемъ. Это, конечно, справедливо. Но справедливо вѣдь и то, что русскаго Бибеля вообще еще не было, да и не могло быть. Вождь, который въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ руководить постепенно развивающимся и нарастающимъ классовымъ движеніемъ пролетаріата и въ самомъ этомъ движеніи черпаетъ силы и возможности для своей руководящей работы, возможенъ только тамъ, гдѣ историческія условія подготовили почву для планомѣрнаго, организованнаго дѣйствія рабочихъ массъ. Тамъ же, гдѣ до сихъ поръ вмѣсто планомѣрности и организованности

царить хаосъ, гдѣ самая идея плановѣрности чужда не только широкой массѣ, но и значительной части ея авангарда,—тамъ возможны или мимолетные герои, ведущіе за собою толпу, или проповѣдники, ея поучащіе. Эта послѣдняя роль, роль учителя, съ большой страстностью, но и съ превеликимъ терпѣніемъ разъясняющаго, исправляющаго и поучающаго, выпала на долю Плеханова по отношенію къ русскому пролетариату, вопреки, можетъ быть, собственному желанію Плеханова, боевой темпераментъ, котораго, навѣрно, скорѣе удовлетворился бы ролью Бебель. Учитель и другъ—таковъ Плехановъ въ первомъ своемъ непосредственномъ обращеніи къ русскимъ рабочимъ въ восьмидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія; такимъ жѣ онъ остается на всемъ протяженіи своей дѣятельности, въ особенности въ своей оцѣнкѣ тактики руководителей пролетарскихъ политическихъ партій во время двухъ нашихъ революцій...

Революцію 1905—07 гг. Плехановъ наблюдалъ издалека изъ-заграницы. Но ему слишкомъ близки были судьбы Россіи, слишкомъ хорошо онъ изучилъ и зналъ движущія ея силы, чтобы сразу нащупать то большое мѣсто, которое грозило превратить наши лѣвыя партіи изъ слугъ революціи въ пособниковъ реакціи. И если эта угроза стала фактомъ, то Плехановъ, съ своей стороны, сдѣлалъ все, что было въ его силахъ, чтобы предотвратить эту бѣду. Въ рядѣ газетныхъ статей, въ рѣчахъ на партійныхъ съѣздахъ, въ отдѣльныхъ брошюрахъ, онъ методически, шагъ за шагомъ старается раскрыть ошибочность усвоенной тактики, ея несоотвѣтствіе тѣмъ основамъ научнаго социализма, которыя, на словахъ по крайней мѣрѣ, признавались еще тогда большинствомъ нашихъ лѣвыхъ. Плехановъ напоминаетъ о двухъ линіяхъ революціи, столь мастерски очерченныхъ Марксомъ въ „Осьмнадцатомъ Брюмерѣ“, и приходитъ къ выводу, что „только по недоразумѣнію, только, потому, что онѣ плохо выяснили себѣ тѣ условія, которыя необходимы для ихъ побѣды“ крайнія партіи могутъ желать идти вторымъ изъ намѣченныхъ Марксомъ путей, совершать движеніе по нисходящей линіи. А въ „Письмахъ о тактикѣ и безтактности“ раскрыты и всѣ основныя черты этого „недоразумѣнія“.

„Радикальные“ товарищи прежде всего „не понимали, что при абсолютизмѣ оппозиціонное движеніе буржуазіи представляютъ собою революціонный фактъ, составляющій огромный плюсъ въ дѣлѣ освободительной борьбы рабочаго класса“. Буржуазія, конечно, преслѣдуетъ буржуазныя цѣли, но Плехановъ напоминаетъ по этому поводу слѣдующія слова Маркса: „Пролетаріатъ спрашиваетъ не о томъ, чего хотятъ буржуа, а о томъ, къ чему они вынуждены“. И тутъ же Плехановъ устанавливаетъ второй тезисъ, что задача политической дѣятельности революціонныхъ партій состоитъ въ просвѣщеніи народа. Поэтому намъ важно не то, что представители политическихъ партій „говорятъ, и не то, какія резолюціи они принимаютъ, а то, какъ могутъ повліять ихъ рѣчи и резолюціи на политическое сознаніе народной массы и, черезъ посредство это сознаніе, на фактическое соотношеніе силъ въ нашей странѣ“. Объ увеличеніи нашихъ силъ, объ ихъ просвѣщеніи и организаціи должны мы подумать въ первую очередь, а не придумывать технические планы организаціи народнаго возстанія. Тѣмъ, которые ссылались въ этомъ на слова Маркса о критикѣ посредствомъ оружія, которая не можетъ быть замѣнена оружіемъ критики, Плехановъ напоминаетъ конецъ этой фразы, которая гласитъ: „матеріальная сила должна быть свергнута матеріальной силой, но теорія тоже дѣлается матеріальной силой, когда увлекаетъ за собою массу“. Словомъ, всѣ усилія должны быть направлены на „политическое воспитаніе массы, которое можетъ быть куплено лишь цѣной ея политической самодѣятельности, которая не можетъ быть замѣнена самодѣятельностью партійныхъ верховъ: Условіе успѣха революціи и главная задача революціонера—въ развитіи самодѣятельности перваго рода.

Такъ училъ Плехановъ въ тѣ дни, когда въ Россіи впервые собралась Государственная Дума, когда правительство Горемыкина съ большимъ удовольствіемъ

взирало на попытки лѣвыхъ партій замѣнить оружіе критики критикою посредствомъ оружія въ такое время, когда силы народа были еще весьма незначительны и когда результатомъ возстанія могло быть только жестокое пораженіе.

Къ величайшему нашему сожалѣнію, Плеханову пришлось повторить тогдашнія свои-тактическія соображенія и десять лѣтъ спустя, когда вторая революціонная волна привела его самого въ давно желанное отечество, для того чтобы здѣсь пережить всѣ муки, связанные съ разгромомъ революціи и разгромомъ Россіи, которую онъ такъ горячо любилъ.

Въ обращеніи къ общему собранію членовъ с. д. группы „Единство“ въ Петроградѣ въ день всемірнаго пролетарскаго праздника, впервые отпразднованнаго въ свободной Россіи, Плехановъ напоминалъ своимъ ближайшимъ единомышленникамъ объ основахъ той тактики, которой слѣдуетъ держаться пролетаріату для упроченія завоеванной политической свободы, и то, что Плехановъ называетъ здѣсь „первымъ словомъ“ этой тактики является почти буквальнымъ повтореніемъ тѣхъ выводовъ, которые были имъ сдѣланы въ результатѣ критики „бланкизма“ и „анархо-синдикализма“ въ 1906 году. Но къ этому „первому слову“ теперь, въ 1917 году, прибавляется „второе слово“ то, которое внесло новую чрезвычайную смуту въ ряды нашихъ лѣвыхъ партій, которое осуждало Плеханова почти на одиночество въ рядахъ этихъ партій, о которомъ онъ, однако вопреки всѣмъ преніяствіямъ считалъ своимъ долгомъ неустанно напоминать русскому рабочему: „надъ нашей страной все еще виситъ грозная опасность германскаго завоеванія. Только неисправимые утописты воображаютъ, будто указанная мною опасность можетъ быть устранена посредствомъ противопоставленія бронированному кулаку германскихъ имперіалистовъ слащавыхъ соображеній о преимуществахъ мира, объ ужасахъ войны и т. под. Обладатели бронированнаго кулака только презрительно смѣются надъ подобными соображеніями... И вы прекрасно знаете, что у молодой русской свободы нѣтъ болѣе опаснаго врага, чѣмъ германскій императоръ и его многочисленные сообщники. Еслибы центральныя имперіи побѣдили насъ и нашихъ союзниковъ, то, не говоря уже о вѣроятности восстановленія нашего стараго порядка, онъ навязали бы намъ условія, крайне неблагоприятныя для роста нашихъ производительныхъ силъ и тѣмъ въ соответствующей мѣрѣ замедлили бы дальнѣйшее численное и культурное развитіе нашего рабочаго класса. А это, въ свою очередь, сильно задержало бы его движеніе къ конечной цѣли, т. е. къ социализму“.

У всѣхъ, конечно, еще въ памяти, съ какимъ упорствомъ и постоянствомъ распространялъ и развивалъ основы этой тактики нашъ покойный учитель, какъ раскрывалъ онъ всю ошибочность цимервальдъкинтальскихъ „истинъ“ и другихъ тактическихъ откровеній новейшаго времени. Къ общему нашему несчастью, указанная имъ опасность стала фактомъ: германскій императоръ и его многочисленные сообщники стали хозяевами Россіи, раздираемой ими на части, разоряемой и унижаемой...

Плехановъ сошелъ въ могилу, когда Россія стала погружаться въ тьму небытія. Но когда придетъ часъ возрожденія страны—а этотъ часъ неизбежно пребудетъ, ибо не можетъ погибнуть по манію нѣмецкаго капрала великой народъ—когда рабочій классъ встрепенется отъ охватившей его апатіи и политической спячки, когда онъ станетъ искать выхода для себя и для угнетенной родины, онъ не только будетъ радъ найти у Плеханова указанія на тактику, которой ему должно слѣдовать, но онъ будетъ гордиться еще и тѣмъ, что человекъ, посвятившій пролетаріату всю силу своего огромнаго таланта, своихъ всестороннихъ знаній и своей революціонной энергіи, воскреснетъ въ памяти будущихъ борцовъ какъ одинъ изъ выдающихся дѣятелей рабочаго интернаціонала и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ патриотъ, завѣщавшій намъ любить Россію и работать надъ просвѣщеніемъ ея народа и надъ восстановленіемъ ея политической и экономической независимости.